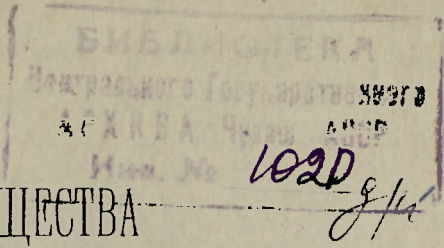

29746.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ XI, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Данныя о городахъ Волжской Булгаріи. III. Кашанъ. П. А. Пономарева 111—138.

Изъ области лингвистической археологии. Слово «хомуть» въ аrio-свропейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ. В. А. Богородицкаго 139—146.

Башкиръ Саловатъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. Р. Г. Игнатьева 147—166.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодии Чувашскихъ пѣсенъ. (Продолженіе) В. А. Мошкова 167—182.

Матеріалы. Кара-якуповская волость. И. А. Износкова. Духовные стихи. Сообщ. А. И. Соколовъ. Захватъ купля и продажа

инородокъ въ Якутской волости въ XVII в. Н. Н. Бакай . . . 183—193.

Хроника. На текущія тѣмы. И. Н. Смирнова 194—197.

Корреспонденція. Письма изъ Гельсингфорса. I. Г. Вихмана 198—200.

Музеографія. Новѣйшія пріобрѣтенія музея Уральскаго Общ. Люб. Ест. Д. И. Лобанова 201—203.

Библіографія. Ditmar Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. 1 Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern.—Beitrage zur Kenntniss des russischen Reiches und anoranzan. Lander Asiens. 3 Folge. VII. S. Petersb. 1890. И. Н. Смирнова. 204—213.

Приложеніе. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго 1—24.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

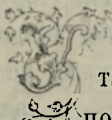
1893.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.

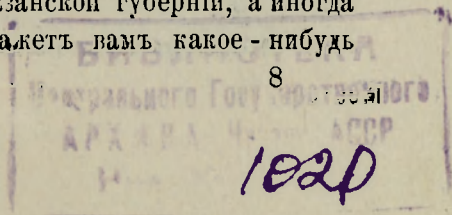
(Археологическія записки).

III.

БУЛГАРСКІЙ ГОРОДЪ КАШАНЪ.

 татаръ Казанской губерніи, особенно у муллъ, до сихъ поръ бережно сохраняются старинныя рукописи, касающіяся прошлаго Камско-Волжской Булгаріи. Отличаясь легендарнымъ характеромъ, противорѣчіями и сбивчивой хронологіей, онѣ тѣмъ не менѣе не лишены значенія и, на ряду съ устными преданіями и иѣслями, могутъ служить до извѣстной степени для дополненія и освѣщенія скудныхъ историческихъ матеріаловъ. Иногда на ихъ долю выпадаетъ и болѣе высокая честь: быть единственнымъ источникомъ, который выдвигаетъ изъ прошлаго фактъ совершенно невѣдомый.

Нѣкоторыя изъ татарскихъ сказаній касаются, между прочимъ, разгрома Булгаріи Аксакъ Тимуромъ (Тамерланомъ). Фактъ этотъ, какъ извѣстно, не установленъ въ наукѣ и не имѣетъ поэтому значенія достовѣрнаго историческаго событія, по народная память настойчиво держится за него и грозное имя Тимура настолько слилось съ прошлыми судьбами мѣстнаго края, что вы услышите о немъ почти въ каждомъ татарскомъ аулѣ юго-восточной полосы Казанской губерніи, а иногда даже и русскій крестьянинъ разскажетъ вамъ какое-нибудь

мѣстное преданіе, героемъ котораго является все тотъ же „Темиръ Ясакъ-желѣзная нога“¹⁾.

Изъ этихъ легендъ необходимо остановиться въ настоящемъ очеркѣ только на одномъ поэтическомъ эпизодѣ, въ которомъ промелькнуло имя болгарскаго города, совершенно неизвѣстнаго по другимъ источникамъ.

При взятіи Тимуромъ города Булгара—гласятъ татарскія рукописи²⁾—ханъ Абдуллахъ съ женами и нѣкоторыми дѣтьми заперся въ судейской палатѣ. Но это зданіе, по приказанію побѣдителя, обложили снизу до верху бревнами, облитыми горючими веществами, и зажгли. Ханъ и всѣ бывшіе съ нимъ погибли. Спаслась только одна дочь Абдуллаха, которую за необыкновенную красоту называли въ Булгарѣ райской гуріей, а за набожность, цѣломудріе и добродѣтель почитали святою. Огонь не коснулся непорочной дѣвушки. Невредимая, сидѣла она на сводѣ сгорѣвшаго зданія въ бѣломъ одѣяніи праведнаго муллы Хисамуддина, могила котораго и до нынѣ почитается магометанами. Тимуръ, пораженный чудомъ, а также умомъ и красотой „несгораемой царевны“, даровалъ ей жизнь и взялъ съ собою въ Самаркандъ съ однимъ изъ ея братьевъ Шеуне-бекомъ, которому также удалось избѣгнуть гибели.

Изъ прочихъ дѣтей Абдуллаха спаслись еще два малолѣтнихъ сына Алтынъ-бекъ и Галымъ-бекъ. Скрытые въ лѣсу во время погрома, они впослѣдствіи основали на р. Казанкѣ городъ Казань.

Что-же касается идеальной болгарской царевны и Шеунабека, то имъ, по смерти Тимура, удалось освободиться изъ плѣна и пробраться на родину. Вначалѣ они нашли себѣ пріютъ въ городѣ К а ш а н ѣ, гдѣ царевичъ скрывалъ свое настоящее званіе подъ профессіей учителя, но потомъ, узнавъ о судьбѣ братьевъ, переселились къ нимъ въ Казань. Здѣсь царевна вышла замужъ за сподвижника основателей Казани—мулу Хозя-

¹⁾ Въ первой главѣ этихъ «замѣтокъ» (Ошель и его слѣды) т. X.. в. III, ст. 280.

²⁾ «Повѣсть о несгораемой царевнѣ», «Беанъ Дастанъ удъ тарихъ и др.

таза, который у мѣстныхъ мусульманъ также почитается за святого. Они и донинѣ прїѣзжаютъ изъ ближайшихъ городовъ и селеній для молитвы къ тому ключу, который выбиваетъ изъ земли близъ его могилы въ Иски Казани ³⁾).

Въ этой поэтической легендѣ представляются особенно существенными двѣ детальныя черты: 1) упоминаніе имени болгарскаго города К а ш а н а, неизвѣстнаго по другимъ источникамъ, и 2) обособленіе этого города отъ Казани, устраняющее возможность смѣшивать ихъ между собою.

Существованіе въ Великой Булгаріи г. К а ш а н а подтверждается и татарскимъ историкомъ Шерефъ-эд-диномъ, современникомъ покоренія Казани русскими. Въ своемъ „Изложеніи болгарскихъ повѣствованій“ ⁴⁾ онъ опредѣляетъ даже мѣстоположеніе этого города, хотя и въ слишкомъ общей формѣ: „На берегу Камы“, говоритъ онъ, „стоялъ городъ, называемый К а ш а н ъ“.

Мѣстные любители старины Кондыревъ, Кафтанниковъ и Мельниковъ упоминаютъ о мѣстоположеніи слѣдовъ этого города пѣсколько опредѣленнѣе. Первый изъ нихъ еще въ 1812 году сообщалъ, что онъ „осмотрѣлъ на высотахъ берега Камы, близъ с. Шурапа, городокъ Кошанскій“. Изъ бумагъ Кафтанникова видно, что онъ въ 1818 году принималъ специальную поѣздку „для изслѣдованія древняго города Кошана или Кожана, нѣкогда находившагося поблизости татарской деревни Елговъ и села Шурапа“. Мельниковъ въ 1862 году отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, что „повыше Шурана, между волнистыми падами и береговыми долинами“, стоялъ въ старину „древній болгарскій городъ Кошанъ“ ⁵⁾).

³⁾ Городище «Иски Казань», т. е. Старая Казань, находится въ 45 верстахъ отъ нынѣшней Казани, въ средней части теченія р. Казанки.

⁴⁾ «Таварихъ Булгаріе» составлены въ 1551 году.

⁵⁾ Дневная записка и рапортъ Кондырева сов. Каз. универ. въ 1812 г.; бумаги Кафтанникова, напечатанныя Кавелинымъ въ 1847 г. (Библиотека для чтенія. т. 81); статья Мельникова «Отъ Чистополя до с. Богородскаго» («Каз. губ. вѣд.», 1862 г., № 36).

Этими скудными данными и ограничивались мои свѣдѣнія о мѣстоположеніи Кашана, когда весной 1879 года мой бывшій сослуживецъ К. Г. Дембровскій предложилъ мнѣ провести вакаціонное время въ его усадьбѣ при с. Шуранѣ. Заинтересованный его разказами о мѣстныхъ находкахъ и древнихъ валахъ, я въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Шуранъ и въ теченіе 1½ мѣсяцевъ, расширяя постепенно кругъ наблюдений, обошелъ всю береговую полосу отъ с. Шурана до д. Сорочьи Горы, длиною верстъ въ 8—10. При этомъ обнаружены были ясныя слѣды 7 древнихъ поселеній и собрана значительная коллекція древнихъ вещей изъ глины, камня, кости, красной и желтой мѣди, желѣза, серебра и золота⁹⁾.

Археологическая фізіономія шуранскихъ окрестностей оказалась довольно сложной и уже при первомъ взглядѣ свидѣтельствовала о существованіи здѣсь культурныхъ наслоеній, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ. Съ цѣлью разобратся въ этомъ матеріалѣ, я въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ посвящалъ шуранскимъ окрестностямъ часть лѣтняго времени и производилъ болѣе или менѣе значительныя раскопки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представлялась къ тому возможность.

Что касается перваго года изысканій, то я, кромѣ общаго обзора мѣстности, остановился главнымъ образомъ на вопросѣ о распространеніи здѣсь болгарской культуры вообще и о мѣстоположеніи слѣдовъ города Кашана въ частности.

Матеріалы, собранные мною для разрѣшенія послѣдняго вопроса, и излагаются въ настоящемъ очеркѣ.

Характеръ Шуранскаго побережья. Версть на 20 выше г. Лаишева, между устьями Шуранки и Ошняка, Кама образуетъ дугообразный изгибъ. Здѣсь на протяженіи

⁹⁾ Коллекція эта, въ послѣдствіи значительно пополненная, пожертвована музею Казан. Общ. А. И. и Э.

12 верстѣ, правый берегъ представляетъ волнистую горную равнину, состоящую изъ бурыхъ глинъ, прикрытыхъ сверху черноземомъ, а снизу опирающихся на пермскіе известняки верхняго яруса, ясно выступающіе въ береговыхъ осыпяхъ. Нагорье это, гребень котораго поднимается до 40 саженъ и проходитъ отъ Камы версты за двѣ, опускается къ рѣкѣ почти отвѣсными кручами, высокою отъ 10 до 30 саженъ; въ противоположную сторону нагорье понижается болѣе отлогимъ скатомъ къ долинамъ Шуранки и Ошняка, которыя въ верхнихъ частяхъ сближаются между собою и такимъ образомъ опоясываютъ возвышенность съ трехъ сторонъ—западной, северной и восточной.

При такомъ рельефѣ и размѣщеніи пластовъ, атмосферные осадки, задерживаемые глиной, скоплялись на незначительной глубинѣ и почти у самаго гребня пробивались наружу многочисленными ручьями. Дѣйствуя разрушительно на почву, особенно во время движенія снѣговыхъ водъ, ручьи эти уже въ стародавніе годы прорыли глубокіе и ущелистые овраги: Машковъ, Долгій, Войкинъ, Рыжный, Гремячій и Средній. Первый изъ нихъ находится въ самой восточной части нагорья и сближается верховьями съ боковыми развѣтвленіями долины Ошняка, а всѣ прочіе—занимаютъ западную и притомъ большую часть возвышенности и группируются вершинами близь, такъ называемаго, Студепаго ключа.

Горныя площади, расчлененныя этими оврагами, теперь уже повсемѣстно распаханы, но еще въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ настоящаго вся береговая сторона ихъ покрыта была вѣковыми лѣсами. У масловцевъ сохранилось живое преданіе, какъ они „чистили гору“ между Ошнякомъ и Машковымъ оврагомъ: „вѣковые лѣса рубили, пни корчевали... пахать-боронить стали—соха-борона не беретъ, еловыми вершинами землю подымали“... Происходило это вскорѣ послѣ Пугачевщины, когда—по словамъ Солнцева—помѣщица Родіонова „крестьянамъ супруга своего, преданнымъ шайкѣ злодѣя (которому и способствовали къ убійству своего

помѣщика), учинила вполѣдствіи времени памятное наказаніе, приказавъ разработать въ с. Масловкѣ, на высокой горѣ, дикую, недоступную до толѣ пустошь“⁷⁾. Еще на памяти шуранскихъ стариковъ по всѣмъ окрестнымъ угорамъ торчали громадныя пни и значительная часть теперешней пашни покрыта была крупнымъ лѣсомъ. Не далѣе, какъ въ половинѣ прошлаго вѣка Шуранъ былъ еще чисто разбойничьимъ гнѣздомъ. Вооруженная дворня Андрея Нармацкаго разбивала на Камѣ цѣлыя караваны⁸⁾. О разбойникѣ Быковѣ, который всего лѣтъ 50 тому назадъ наводилъ страхъ на всю низовую Каму, сохранился въ Шуранѣ цѣлый кругъ легендъ. „Есть тутъ въ Войкиномъ оврагѣ землянка“, рассказываютъ между прочимъ крестьяне, „добра всякаго въ этой землянкѣ тьма-тьмушая; схоронилъ его здѣсь Быковъ и заперъ землянку замкомъ, а ключъ камнемъ закрылъ и заговѣръ на него положилъ. Кто ключъ добудетъ, тому и землянка откроется. Камень многіе видали, да только слова не знали, какое тутъ нужно. Кинется онъ въ глаза и сгинетъ. А лежитъ тотъ камень въ яблочковомъ саду. Яблоки такія вкусныя, что слаще нигдѣ нѣтъ. Ъсть ихъ можно, сколько хочешь, а домой уносить нельзя: до той поры дороги не найдешь, пока не выбросишь все, что набралъ“...

Теперь крупнаго строевого лѣса на шуранскихъ угорахъ уже нѣтъ. Дровяной лѣсокъ сохранился только на площади, прилегающей къ Долгому оврагу. По прочимъ оврагамъ и береговымъ кручамъ только мѣстами остались непролазныя чащи мелкаго чернолѣся, въ которыхъ преобладаютъ дубокъ, липа, береза, кленъ, орѣшникъ, рябина и калина. Но кое-гдѣ, продираясь черезъ эти дебри, я встрѣчалъ немало и плодовыхъ деревьевъ: торна, дикаго вишенника и дикой яблони, послу-

⁷⁾ Подробности въ моей статьѣ о Родіоновой («Историческій Вѣстникъ», 1887 г., к. 4).

⁸⁾ Подробности въ моей статьѣ о Нармацкомъ («Историч. Вѣстникъ», 1881 г., к. 4).

жившихъ, вѣроятно, основаніемъ для легенды объ яблоновомъ садѣ.

Съ истребленіемъ лѣсовъ измѣнились значительно и мѣстныя гидрографическія условія. Обнаженные отъ зарослей овраги обратились въ суходолы. Изъ ручьевъ болѣе сохранились только Прудокъ, образующій живописныя каскады въ Долгомъ оврагѣ и Гремячій, берущій начало изъ Студенаго ключа и едва замѣтной струей пробирающійся по дну Гремячаго оврага. Отъ мельпицы, существовавшей на этсмъ нѣкогда сильномъ и шумномъ потокѣ, сохранилась память только въ названіи дороги „подъ мельницу“.

Что касается Камы, то она въ Шуранскомъ плесѣ и донынѣ еще извѣстна рыбными ловлями. Отсюда и названіе Рыбной слободы—обширнаго селенія, находящагося верстъ на 5 выше Мословки. „Кашанская заводь“—протокъ между правымъ берегомъ Камы и лѣсистымъ Сорочинскимъ островомъ съ его рыбными озерами и разнообразной дичью—была въ прошломъ столѣтіи рыболовнымъ угодьемъ Казанской Седмиозерной пустыни. Рыболовныя ватаги при д. Сорочьи горы и теперь еще извѣстны своею стерлядью.

Въ заключеніе этого краткаго физико-топографическаго очерка необходимо упомянуть, что въ описываемомъ районѣ располагается въ настоящее время семь селеній: на кручахъ Камскаго берега—с. Шурапъ (между рч. Шуранкой и Гремячимъ оврагомъ) и д. Сорочьи Горы (между оврагами Долгимъ и Машковымъ); на взгорьѣ праваго берега Ошняка—с. Масловка и д. Дмитріевка; по верхнему теченію Шуранки—три татарскія деревни: Мурзь-Сабакаево, Малые и Большіе Юлги.

Не пустовала эта мѣстность и въ стародавніе годы. Ея малодоступныя береговыя кручи, трущобные овраги, глухіе лѣса, черноземная почва и многоводная рыбная рѣка, представляя завидныя удобства для защиты, звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, земледѣлія и торговыхъ сношеній,—манили къ себѣ насельника и въ отдаленное отъ насъ время.

Слѣды этихъ аборигеновъ края разсѣяны здѣсь повсемѣстно и подраздѣляются на три категоріи: каменные орудія, городки съ культурою звѣролого-рыболовной и городки, характеризующіе бытъ земледѣльческой.

1) Каменные орудія. Въ Шурапѣ и Сорочьихъ Горахъ я приобрѣлъ отъ крестьянъ нѣсколько десятковъ каменныхъ орудій. Большая часть ихъ—шлифованные топоры и долота, меньшая—накопечники стрѣлъ и копій. Всѣ они изъ кремня, кромѣ одной кварцитовой стрѣлки. Условія находки совершенно тождественны: „выпаханы на горахъ“. Такихъ пунктовъ, гдѣ они залегали-бы въ значительномъ количествѣ, сопровождаясь и другими памятниками, характерными для каменнаго вѣка, никому не встрѣчалось. Мѣстные каменные орудія разсѣяны спорадически по всему шурапскому району и залегаютъ обыкновенно въ пахатномъ слоѣ⁹⁾.

2) Становища звѣрологовъ и рыбологовъ. Въ окрестностяхъ Шурапа и Сорочьихъ Горъ я открылъ слѣды четырехъ древнихъ поселковъ съ однородной культурою, характеризующей бытъ по преимуществу звѣролого-рыболовный. Почти всѣ предметы домашняго и охотничьяго быта, присущіе культурному слою этихъ городковъ, выдѣланы изъ кости; посуда вылѣплена безъ помощи стапка¹⁰⁾.

3) Поселки земледѣльцевъ. Въ томъ-же районѣ я встрѣтилъ также три пункта, опредѣленно указывающіе на культуру земледѣльческую. Всѣ бытовые памятники, содержащіеся въ почвѣ городищъ этой послѣдней категоріи, совершенно тождественны съ памятниками болгарскихъ горо-

⁹⁾ Мѣстные крестьянки продаютъ ихъ не совсѣмъ охотно, такъ какъ большая часть ихъ уже утрачена во время пожаровъ, а сохранившіеся экземпляры употребляются для врачеванія. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, кам. орудія считаются «громовыми стрѣлами»; ими лѣчатъ отъ колотья въ груди, «когда спирается духъ», при чемъ больныхъ или поятъ водой, спущенной со «стрѣлки» или покалываютъ ею по больному мѣсту.

¹⁰⁾ Подробности объ этихъ городкахъ изложены будутъ въ особой главѣ моей статьи «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волж. края».

дищъ нашего края и такимъ образомъ ясно свидѣтельствуяютъ, что древнѣйшій мѣстный земледѣлецъ былъ болгаринъ.

Эти слѣды болгарскаго населенія на шуранскомъ побережьи и предстоитъ рассмотретьъ, чтобы подойти къ рѣшенію вопроса о мѣстоположеніи г. Кашана.

Но предварительно необходимо еще рассмотретьъ: есть-ли вообще основаніе предполагать слѣды Кашана именно въ этой мѣстности, а не въ другой какой-либо части камскаго берега, входившей въ составъ великой Булгаріи.

Этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что краткія показанія Кондырева, Мельникова и Кафтапниковъ, какъ ничѣмъ не мотивированныя, лишены убѣдительности. Мельниковъ даже и не былъ здѣсь, а только проѣзжалъ мимо на товарной баржѣ. Кафтапниковъ, хотя и пріѣзжалъ сюда съ цѣлью спеціальнаго изслѣдованія и даже получилъ „отъ ученаго елгинскаго муллы многія свѣдѣнія“, но о результатахъ его изысканій не сохранилось никакихъ данныхъ.

Тѣмъ не менѣе эти показанія правдоподобны. Еще г. Шпилевскій, говоря о Кашанѣ, нашелъ возможнымъ привести въ пользу ихъ слѣдующіе факты: Лаптевъ упоминаетъ о существованіи Кашанской горы, близъ которой есть перевозъ черезъ Каму изъ Шурана въ Мурзиху¹¹⁾; П. З. указываетъ въ этой же мѣстности рыболовную „Кашанскую заводь“, бывшую въ прошломъ столѣтіи угодьемъ Казанской Седмозерной пустыни¹²⁾; наконецъ, на лѣвомъ берегу Камы, верстахъ въ 5—7 отъ Мурзихи, слѣдовательно противъ Кашанской горы, есть д. Кашанова.

При наличности такихъ фактовъ, принимая во вниманіе, что имя забытаго болгарскаго города не сохранилось въ названіяхъ урочищъ въ другихъ частяхъ камскаго берега, и становится неизбежнымъ искать слѣды Кашана въ предѣлахъ описываемаго района.

¹¹⁾ Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Казанская губернія. Спб. 1861 г., ст. 97.

¹²⁾ „Правосл. Собесѣдникъ“. Казань, 1869 г., № 11, ст. 237.

Начинаю выполненіе этой задачи съ характеристики той горной площади, которая называется „городкомъ“ и черезъ которую проходитъ дорога къ „весеннему перевозу“ отъ шуранскаго берега на Мурзиху.

„Городокъ“. На одну версту ниже д. Сорочьи Горы, за Долгимъ оврагомъ, правый берегъ Камы, на протяженіи около версты, образуетъ высокую ровную площадь, отдѣленную отъ крутой горы, называемой Кашановой шишкой, узкимъ и короткимъ, но глубокимъ ущельемъ. Поднимаясь сажень на 15 надъ Камой, площадь эта круто обрывается къ рѣкѣ и боковымъ оврагамъ, а съ доступной стороны ограждена валомъ и ровомъ, примыкающими однимъ концомъ къ Кашанскому ущелью, а другимъ—къ вершинѣ Долгаго оврага.

Главная часть укрѣпленія находится въ сторонѣ ущелья. Здѣсь, на протяженіи 80 саж. укрѣпленіе состоитъ изъ двухъ валовъ, между которыми находится ровъ. Далѣе, на всемъ остальномъ протяженіи укрѣпленія, наружный валъ исчезаетъ. Пересѣченное тремя узкими воротами на 40, 90 и 250 сажени, укрѣпленіе въ общей сложности тянется на 314 саж.; средняя высота валовъ и глубина рва—не менѣе сажени, а ширина ихъ—не менѣе 3 саж.

Мѣстные крестьяне не приурочиваютъ къ этой укрѣпленной площади никакихъ преданій и называютъ ее просто „городкомъ“. „Городокъ“, занимая около 75 десятинъ, покрытъ крупнымъ дровянымъ листовымъ лѣсомъ—„заказникомъ“, никогда не распахивался и находокъ на немъ не встрѣчалось. Только весною 1878 года выпаханъ былъ близъ входа въ „городокъ“ со стороны Долгаго врага приобрѣтенный мною длинный желѣзный мечъ съ золотой насѣчкой и арабской надписью. Кромѣ того, много лѣтъ тому назадъ, при проведеніи чрезъ „городокъ“ весенней дороги къ перевозу, найдено было нѣсколько пушечныхъ ядеръ небольшого калибра ¹³⁾.

¹³⁾ Объ этомъ сообщено мнѣ кугарчинскимъ муллою Зайтовымъ. Можно думать, что эти ядра выпущены были изъ небольшихъ пушекъ, употребившихся на судахъ съ уральскимъ желѣзомъ, или съ „горкоутовъ“ тѣхъ

Неопредѣленность этихъ данныхъ побудила произвести развѣдки. Я прошелъ по окраинамъ городка, осмогрѣлъ осыпи, водородины; исходилъ по разнымъ направленіямъ „заказникъ“, разрѣзывая почвенный слой небольшими траншеями, но нигдѣ не находилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ человѣка: ни одного черепка посуды, ни одной кости, обыкновенно въ такомъ изобиліи попадающихся на другихъ городищахъ. Полное отсутствіе культурныхъ остатковъ на поверхности „заказника“ выяснилось еще опредѣленнѣе черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мѣстный землевладѣлецъ г. Чижевскій расчистилъ и распахалъ часть городка подлѣ самыхъ валовъ. При корчеваніи пней и распашкѣ, не смотря на тщательный осмотръ земли, не обнаружено было никакихъ памятниковъ человѣческаго быта. Пройдя эту пашню по всѣмъ направленіямъ, я также не встрѣтилъ здѣсь ничего, что могло-бы указать на слѣды жительства.

Въ виду всего этого и нѣтъ ли малѣйшихъ основаній предполагать, что г. Кашанъ находился въ этомъ пунктѣ. Нѣтъ даже возможности доказать, что описанные выше валы насыпаны булгарами; по внѣшнему виду своему они ничѣмъ не отличаются отъ болгарскихъ, но подобныя сооруженія могли принадлежать и русскому помѣщику. Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ экономіяхъ и до сихъ поръ устраиваютъ подобныя преграды для защиты лѣсныхъ участковъ отъ скота. Единственный фактъ, который можетъ говорить опредѣленно въ пользу болгарскаго происхожденія городка—это желѣзный мечъ съ арабской надписью; но и онъ найденъ былъ не на городкѣ, а только близъ него, на прилегающемъ полевомъ участкѣ, гдѣ также не встрѣтилось болѣе никакихъ слѣдовъ человѣка.

Городокъ на Ежевичпой стрѣлкѣ. Версты за $1\frac{1}{2}$ къ сѣв. отъ д. Сорочьи Горы, въ самой вершинѣ Машкова оврага, между двумя его развѣтвленіями или „отногамп“—Ежевичнымъ и Ждановымъ, выдается возвышенная тре-

воинскихъ командъ, которые еще въ концѣ прошлаго вѣка гонялись за разбойниками.

угольная площадь, называемая Ежевичной стрѣлкой. Къ концу охватывающихъ ее овраговъ она расширяется саженъ на 300 и поднимается надъ дномъ ихъ саженъ на 5. По рассказамъ сорочипскихъ стариковъ, стрѣлка эта съ доступной стороны заграждена была валомъ и рвомъ, но укрѣпленія эти совершенно изгладились, такъ какъ стрѣлка распаивается уже съ давнихъ поръ. Исходивъ пашню по всѣмъ направлениямъ и проведя нѣсколько пробныхъ траншей, я убѣдился въ томъ, что культурный слой этого городка не глубже $1\frac{1}{2}$ четвертей и содержатъ въ себѣ значительное количество обломковъ глиняной посуды, сдѣланной на кругѣ и изъ хорошо обожженной глины. Матеріалъ, обработка и орнаментъ совершенно тождественны съ обломками глиняной посуды всѣхъ вообще второстепенныхъ болгарскихъ городищъ.

Въ старые годы, при распашкѣ здѣсь находили серебряныя кольца и браслеты, разныя желѣзныя вещи—ножи, серпы, косы особой формы и т. п. Въ настоящее время металлическія находки встрѣчаются уже рѣдко. Обойдя всю деревню, я приобрѣлъ только двѣ вещи, найденныя на Ежевичной стрѣлкѣ: 1) превосходной работы большой желѣзный кинжалъ кавказскаго типа съ серебряной насѣчкой, напоминающей полустертую грузинскую надпись и 2) небольшой изящный сосудъ изъ желтой мѣди очень оригинальной формы, съ кружковымъ орнаментомъ и виптообразной пробкой. Что касается „чудного нерусскаго серпа“, еще недавно выпашаемаго на стрѣлкѣ, то онъ уже оказался передѣланнымъ на скобель и я только по рассказамъ могъ заключить, что онъ по своему внѣшнему виду былъ аналогиченъ тѣмъ серпамъ, которые попадаются рѣдко и на другихъ болгарскихъ городищахъ.

Всѣ эти данныя довольно опредѣленно свидѣтельствуютъ, что на Ежевичной стрѣлкѣ существовалъ нѣкогда городокъ, съ жилищнымъ населеніемъ (золот. и серебр. вещи), которое занималось земледѣіемъ (серпы и косы) и имѣло коммерческія сношенія (кавказскій кинжалъ). Типъ глиняной посуды при-

водитъ къ заключенію, что городокъ этотъ былъ болгарскій.

Но есть-ли достаточно основаній считать этотъ болгарскій городокъ слѣдами Кашана?

На этотъ вопросъ можно скорѣе отвѣтить отрицательно, чѣмъ положительно. Кашанъ находился, по указанію болгарскаго историка, на Камѣ, а ежевичный городокъ удаленъ отъ рѣки версты на 3. Отъ возвышенности, въ названіи которой сохранилось имя древняго города, онъ удаленъ версты на 4. Въ виду этого представляется необходимымъ рассмотретьъ и прочіе окрестные памятники съ слѣдами болгарской культуры, прежде чѣмъ говорить что-либо въ пользу отождествленія описаннаго городища съ Кашаномъ.

Юртстѣ. Слѣды третьяго болгарскаго поселенія въ описываемой мѣстности указаны были мнѣ татарами. Крестьянинъ Большихъ Юлговъ Бекбулатъ и мулла изъ Малыхъ Юлговъ Абдуль Зяпаровъ Рахманкуловъ, съ которыми я близко сошелся, указали мнѣ на половинѣ пути отъ Большихъ Юлговъ въ Малые, между р. Шурапкой и впадающимъ въ нее ручьемъ, возвышенную стрѣлку, на которой до сихъ поръ еще попадаетъ много черепковъ болгарскаго типа, а въ старину находили и металлическія вещи. Вся стрѣлка давно уже распашана, кромѣ одного небольшого участка, на которомъ растетъ нѣсколько сосенъ, единственныхъ въ этой мѣстности. Нераспаханный участокъ называется Юртстѣ и считается у мѣстныхъ татаръ священнымъ мѣстомъ.

Не находя возможнымъ въ виду этого производить раскопки на Юртстѣ, я ограничился только одними разспросами. „Тутъ тоже старій житель былъ, рассказывалъ мнѣ старикъ Бекбулатъ, черенокъ тутъ больно много есть; наручникъ, кольца, серьга, сабля—тоже много попадалъ. Теперь нѣту. Сосна тутъ растетъ. Нигдѣ нѣту у насъ сосна, а тутъ растетъ. Наша дѣдъ говорилъ: „купецъ богатый тутъ жилъ, садъ у него былъ“. Рубить сосна нельзя, а гниетъ когда—дрова въ мечеть тащимъ. Старій годъ съ Большой Юлга, съ Малый Юлга, съ Мурзь-Сабакаево весь народъ каждый лѣто на то

мѣсто ходилъ; молебна служилъ, поминаль, блиповъ много тащилъ, бѣлый конь колоть. Теперь нѣту: молодой народъ лѣнивъ сталъ ¹⁵⁾...

Нѣтъ сомнѣнiя, что на этомъ урочищѣ былъ нѣкогда какой-нибудь болгаро-татарскiй ауль, но отождествлять его съ городомъ Кашаномъ еще труднѣе: Юртста отстоитъ отъ Кашановой горы не менѣе 5—6 верстъ и притомъ располагается не на Камѣ, а на рѣчкѣ Шуранкѣ, въ средней части ея теченiя.

Слѣды обширнаго городища на шуранской чищобѣ. Въ разстоянii одной версты отъ Шурана, вверхъ по Камѣ, выступаетъ къ самому берегу возвышенная горная площадь, ограниченная двумя оврагами—Гремячимъ и Рыжнымъ. Площадь эта, уже лѣтъ 40 тому назадъ расчищенная подъ пашню и получившая поэтому названiе чищобы, представляетъ ясные слѣды обширнаго древняго поселенiя.

Вотъ данныя, извлеченныя мною изъ подробнаго обслѣдованiя шуранской чищобы:

1) Глубокiе и обрывистые овраги Гремячiй и Рыжный, начинаясь отъ самаго бичевника на разстоянii версты другъ отъ друга, верхними частями своими сходятся такъ близко, что ихъ раздѣляетъ только узкiй промежутокъ въ 60 саж. шириною. Въ этомъ мѣстѣ отъ одного оврага до другого прорытъ ровъ глубиною въ двѣ, а шириною въ 3 сажени. За ровомъ, на окраинѣ чищобы, поднимается такой-же ширины и высоты валъ съ воротами въ средней части. Такимъ образомъ чищоба представляется совершенно замкнутой горной площадью, имѣющей форму треугольника, который основанiемъ своимъ круто обрывается къ Камѣ, съ боковъ ограничель оврагами, а въ углу сближенiя ихъ загражденъ высокимъ валомъ и глубокимъ ровомъ.

При ближайшемъ ознакомленiи съ мѣстностью оказалось, что чищоба, кромѣ этой главной „крѣпи“ имѣетъ еще два

¹⁵⁾ Этотъ разсказъ о жертвоприношенiяхъ представляетъ, вѣроятно, отголосокъ преданiй о языческой эпохѣ татаръ.

вспомогательныхъ укрѣпленія: одно—въ углу, при входѣ въ Гремячій оврагъ со стороны бичевника, а другое—на склонѣ этого оврага, на разстояніи $\frac{1}{3}$ версты отъ входа въ него. Въ томъ и другомъ мѣстѣ чищоба опускается не круто, а террасовиднымъ скатомъ, что, вѣроятно, и послужило поводомъ къ устройству искусственныхъ преградъ. Въ угловомъ выступѣ чищобы или — по мѣстному говору—на „носѣ“ сооружены двойные валы и рвы, идущіе на протяженіи 32 сажень, а на склонѣ оврага устроена цѣлая система параллельныхъ рововъ и валовъ, которые въ сторонѣ, обращенной къ устью оврага, идутъ въ четыре ряда, въ противоположной—въ одинъ, а въ промежуткѣ между ними—въ два. Общая длина этой укрѣпленной ломаной линіи—100 сажень.

2) Ровная площадь чищобы, оборвавшись къ Камѣ десятисаженной кручей, по мѣрѣ удаленія отъ берега постепенно повышается и въ томъ углу, гдѣ сходятся овраги, достигаетъ высоты 20 саж. Еще 40 лѣтъ тому назадъ эта покатая площадь покрыта была лѣсомъ и множествомъ небольшихъ ямокъ. Въ настоящее время лѣсная поросль и ямки сохранились только кое-гдѣ по самымъ окраинамъ; все-же внутреннее пространство чищобы распаханно и выровнено.

При распашкѣ, бороньбѣ, жатвѣ, послѣ сильныхъ дождей и размывающихъ почву весеннихъ потоковъ на всей площади чищобы находили, а отчасти продолжаютъ находить и нынѣ различныя древнія вещи. Особенно много находокъ встрѣчалось, конечно, въ первые годы распашки, но объ этомъ счастливомъ времени, когда болѣе или менѣе цѣнныя находки уносились съ чищобы цѣлыми подолами, сохранилось у шуранцевъ только пріятное воспоминаніе.

Находки на чищобѣ распадаются на 4 группы: домашняя утварь, оружіе, украшенія и монеты.

Къ домашней утвари относятся обломки глиняной посуды болгарскаго типа, и теперь въ изобиліи залегающіе въ пахатномъ слоѣ; обломки мѣдныхъ котловъ съ ручками; желѣзные цѣпи, ножи и замки; чашки вѣсовъ изъ красной мѣди

и какія-то „серебряныя тарелочки и блюда“, которыя—по словамъ шуранцевъ—очень часто попадались прежде въ цѣломъ видѣ и въ обломкахъ.

Изъ оружія встрѣчаются на чищобѣ — желѣзныя накопечники стрѣлъ и копій, мечи, кинжалы, „рогульки“ и проч. Подъ именемъ „рогулекъ“ извѣстны у мѣстныхъ крестьянъ небольшіе желѣзные предметы, покрытые острыми шипами, или шпильками и употреблявшіеся, по ихъ мнѣнію, „певѣрными“ для метанія подъ ноги непріятельской конницы ¹⁶⁾.

Изъ галантерейныхъ вещей находили здѣсь: разнообразныя бусы, мѣдныя и серебряныя бляхи съ орнаментами, серьги—мѣдныя, серебряныя и изъ композиціи, золотыя паручики, кольца и т. п.

Монеты попадались на чищобѣ и близъ нея какъ отдѣльными экземплярами, такъ и цѣлыми кладами. Такъ, крестьянинъ Лялевъ незадолго до моего перваго пріѣзда въ Шурань поднялъ на чищобѣ пять „блестокъ“ — мѣстное названіе золото-ордынскихъ серебряныхъ монетъ—и продалъ ихъ Юлгинскимъ татарамъ по 15 коп. за экземпляръ. Изъ кладовъ особенно замѣчательнъ, найденный лѣтъ 30 тому назадъ настояхомъ Александромъ. Этотъ кладъ—на памяти у всѣхъ стариковъ-очевидцевъ. Тѣмъ не менѣе рассказъ о немъ принялъ чисто легендарныя формы. Передаю его со словъ кузнеца Василя, приходившагося родственникомъ Александру.

„Лександра былъ у насъ пастушонкомъ и пасъ скотъ въ Среднемъ оврагѣ (оврагъ этотъ начинается близъ Гремячаго). Разъ сидитъ Лександра въ оврагѣ и шевыряется палочкой въ глинтъ. Копалъ онъ, копалъ, и вдругъ — „блестки“ изъ земли посыпались. Въ ту пору проходилъ подлѣ оврага юлгинскій татаринъ Ибряшъ. Идетъ онъ и видитъ: овца передъ нимъ бѣжить. Бѣжить, бѣжить и все на него оглядывается. Видитъ Ибряшъ, не спроста дѣло. Ударился онъ тутъ за ней

¹⁶⁾ Подобныя «рогульки» А. Ф. Лихачева указываютъ и на мѣстѣ г. Булгара. Они употреблялись и въ Россіи для спѣшиванія непріятельской конницы.

а она отъ него, да надъ самымъ оврагомъ и сгнула. Подбѣжалъ Ибряшъ къ оврагу и видитъ, что Александра кладъ нашель. — „Ну“, говоритъ, „знакомъ, это намъ съ тобой Богъ счастье послалъ. Первое дѣло — молиться надо: ты молись твоя Бога, а мы своя“. Помолились они, потомъ татаринъ рыть сталъ. Схватить Ибряшъ пригоршни „блестокъ“ да и швырнетъ ихъ подальше въ сторону. — „Подбирай“, кричитъ, „добрый человекъ, подбирай!“... А самъ въ ту пору кладетъ себѣ деньги и въ карманъ, и за пазуху, и въ шапку. Какъ на другой день мы узнали про это, такъ всей деревней и пошли къ оврагу. Однако, ничего не нашли: надо быть татаринъ ночью еще приходилъ и все выскребъ. Только впрокъ ему это не пошло. Поѣхалъ онъ съ абызомъ продавать эти „блестки“ въ Рыбную слободу, его дорогой и схватило животомъ, и такъ схватило, что въ одночасье и померъ, а деньги абызу (т. е. муллѣ) достались“...

Разсказъ этотъ подтвердили мнѣ и юлгинскіе татары, но, по ихъ словамъ, „блестокъ“ у Ибряя было никакъ не болѣе хлѣбной чашки.

Узнавъ отъ юлгинскаго муллы, что Ибряй раздарилъ часть денегъ одноперевенцамъ и что вообще у юлгинскихъ татаръ найдется до сотни монетъ, какъ изъ указаннаго выше клада, такъ и изъ найденныхъ въ разное время па чищобѣ, я попросилъ его посодѣйствовать мнѣ въ приобрѣтении хотя нѣсколькихъ экземпляровъ. Только этимъ путемъ мнѣ и удалось добыть 8 мѣстныхъ джучидскихъ монетъ. Дѣло въ томъ, что окрестные татары цѣнятъ древнія находки и сами скупаютъ ихъ у русскихъ. „Этотъ народъ—говорятъ они о первоначальныхъ насельникахъ шуранскаго побережья—нашей вѣры былъ: надо память держать... Ибряй стары деньга Рыбна слобода тащилъ, за то и башка скоро кунчалъ“... Бывши въ гостяхъ у богатаго татарина Мамлеева, я только съ величайшимъ трудомъ уговорилъ его перепродать мнѣ чашки вѣсовъ, купленные имъ у шуранскаго крестьянина Савельева, выпавшаго ихъ на чищобѣ.

Кромѣ упомянутыхъ выше бытовыхъ памятниковъ, встрѣчается на чищобѣ, и притомъ въ значительномъ количествѣ, мѣдь или въ видѣ массивныхъ сплавовъ, или продолговатыми палочками въ палецъ толщиною; попадаются также и разныя металлическія вещицы неопредѣленнаго назначенія какъ въ цѣломъ видѣ, такъ и въ обломкахъ.

Изъ всего сказаннаго нетрудно видѣть, что шуранская чищоба служила главнымъ мѣстомъ паходокъ на всемъ пространствѣ описываемаго района. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ исчезла совершенно безслѣдно. Мелкія мѣдныя и желѣзныя вещи затеривались, крупныя передѣлывались для домашнихъ потребностей, золотыя и серебряныя сбывались окрестнымъ татарамъ и въ Рыбную слободу, гдѣ, благодаря этому, возникла и достигла значительнаго развитія крайне оригинальная промышленность—выдѣлка пзъ композиціи по древнимъ образцамъ различной галантереи для продажи татарамъ и даже киргизамъ, при посредствѣ Новоузенской ярмарки.

При подобныхъ обстоятельствахъ мнѣ удалось захватить только пемногіе и притомъ едва-ли не послѣдніе остатки того, что заключала въ себѣ нѣкогда чищоба. Въ составъ собранной мною коллекціи входятъ слѣдующіе главные предметы: 1) два желѣзныхъ замка наиболѣе распространеннаго болгарскаго типа; 2) нѣсколько обломковъ мѣдныхъ котловъ съ ушками; 3) два желѣзныхъ ножа; 4) двѣ мѣдныя чашки отъ вѣсовъ, изъ которыхъ одна украшена красивой рѣзьбой; 5) четыре желѣзныхъ наконечника стрѣлъ; 6) пять желѣзныхъ наконечниковъ отъ копій; 7) два желѣзныхъ дротика; 8) паконечникъ мѣдной булавы или палпы; 9) восемь серебряныхъ монетъ; 10) мѣдная фигурка въ видѣ птичьей головки; 11) мѣдная бляха; 12) три серьги—мѣдная, серебряная и изъ композиціи; 13) обломокъ золотого браслета съ сердоликомъ и 14) два золотыхъ кольца, изъ коихъ одно, найденное на чищобѣ за три года до моего пріѣзда, замѣчательно тѣмъ, что на печаткѣ его начеканена тамга, напоминающая тамгу Менгу Тимура, а другое—изъ массивной золотой проволоки, согнутой спиралью, пайдено бы-

ло на чищобѣ лѣтъ 30 тому назадъ и передано мпѣ К. Г. Дембровскимъ ¹⁶⁾.

Группируя все сказанное о чищобѣ, я нахожу возможнымъ вывести слѣдующія заключенія:

1) Замкнутая со всѣхъ сторонъ малодоступными овратами и цѣлой системой искусственныхъ укрѣпленій, богатая находками оружія, домашней утвари, золотой и серебряной галантерей, вѣсовъ и монетъ, — площадь чищобы, представляетъ всѣ данныя для призванія ея мѣстомъ богатаго и торговаго города.

2) Характеръ укрѣпленій, глиняной посуды и другихъ памятниковъ быта, а равно и распространенность серебряной золото-ордынской монеты опредѣленно свидѣтельствуютъ, что это былъ городъ болгаро-татарскій.

3) По обширности занимаемаго пространства, по количеству и качеству находокъ онъ, по видимому, не только превосходилъ всѣ прочія болгарскія поселенія описываемой мѣстности, но и вообще выдѣлялся между городами Камско-Волжской Булгаріи, уступая только Булгару и Бюляру.

Но былъ ли это тотъ именно городъ, о которомъ болгарскій лѣтописецъ сказалъ: „на берегу Камы стоялъ городъ, называемый Кашанъ“?

Быть можетъ у „ученаго юлгинскаго муллы“, съ которымъ бесѣдоваль Кафтанниковъ въ 1818 году, былъ прямой и положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но до современнаго поколѣнія не дошли данныя, паходившіяся въ распоряженіи этихъ лицъ, и мнѣ придется ограничиться изложеніемъ только тѣхъ косвенныхъ уликъ, которыя собраны были мною съ цѣлью подойти къ рѣшенію дилеммы.

Вотъ эти данныя:

1) Современные шуранцы выражаются о городѣ на чищобѣ крайне неопредѣленно. Они говорятъ только, что тутъ

¹⁶⁾ Подобная-же спиральная золотая проволока, находящаяся въ музеѣ Каз. Общ. А. И. и Э., доставлена изъ окрестностей с. Матакъ Спас. у. Каз. г.; есть подобнос-же кольцо и въ коллекціи г. Лихачева изъ Булгара.

жила „не-русь“, „турскій народъ“, „невѣрные“. Юлгинскіе татары знаютъ нѣсколько больше объ окрестностяхъ Шурана, даже приурочиваютъ къ нимъ имя города Кашана, хотя и не указываютъ опредѣленно его мѣстоположенія. „Тутъ все народъ жилъ,“ рассказываютъ они, „больно много народъ былъ нашу вѣру держалъ, города строилъ... Кашанъ-кала былъ... Кызларъ-кала былъ... Кызларъ-кала—дѣвкинъ городъ, дѣвка жилъ... Когда воевалъ,—на Булгаръ слухъ давалъ“...

Кромѣ того, въ той-же мѣстности мнѣ случайно удалось напасть на слѣды эпической нѣсни о Кашанѣ. Однажды на расконѣ близъ Кашановой шишки у меня исключительно работали юлгинскіе татары, поставленные Бекбулатомъ, играющимъ въ этой мѣстности роль посредника между окрестными землевладѣльцами и татарами. Одинъ молодой татаринъ во время работы затащилъ протяжную и заунывную пѣсню. Замѣтивъ, что въ ней съ первыхъ-же словъ упоминается слово „Кашанъ-каласы“, я хотѣлъ записать ее и съ этой цѣлью замѣтилъ своему спутнику, знавшему хорошо по-татарски, чтобы онъ прислушивался и дѣлалъ переводъ. Но въ этотъ-же моментъ пожилые татары загалдѣли, стали кричать на пѣвца и онъ оставился.

— Чего они шумятъ? спросилъ я.

— Ругаются... Пѣть не велятъ...

— Почему?

— А потому, что въ пѣснѣ нехорошо про русскихъ говорится, когда они Кашанъ - городъ брали...

Я сталъ просить продолжать пѣсню. Но сконфуженный пѣвецъ только краснѣлъ, а старики стали увѣрять, что онъ просто дуракъ, что никакой пѣсни про Кашанъ и нѣтъ совсѣмъ, а просто онъ по глупости поетъ, что ему въ „башку“ взбредеть...

— Ну, и пусть его поетъ, вамъ-то что за дѣло? убѣждалъ я.

Отвѣтомъ на это послужило только то, что во время работы нечего заниматься пустяками.

Ничего не добился я и отъ Бекбулата и муллы Шерефъ-эд-дина, не смотря па хорошія отношенія съ ними. Они также утверждали, что никакой пѣсни о Кашанѣ не существуетъ и сваливали все на молодость и глупость пѣвца.

Но ихъ горячность и щедрость въ ругательствахъ по адресу виновника въ этомъ загадочномъ инцидентѣ убѣждаютъ въ противномъ, невольно побуждая думать, что между татарами шуранскаго района есть дѣйствительно историческая пѣсня и, быть можетъ, очень старинная о разгромѣ г. Кашана русскими.

2) Название „чищоба“ не можетъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ для предположенія, что на этомъ мѣстѣ находился нѣкогда болгарскій г. Кашанъ. Дѣло въ томъ, что у мѣстныхъ жителей есть болѣе древнее и общее название для всего изрѣзаннаго ущельями горнаго берегового склона, начиная отъ Гремячаго оврага до Долгаго. Это название—Кашанъ. Всѣ прочія прозвища, приурочиваемыя къ этому нагорью въ настоящее время, носятъ болѣе частный характеръ. Протокъ между горнымъ берегомъ и Сорочинскимъ островомъ называютъ Кашанскимъ затопомъ или заводью; западная часть Кашана между оврагами Гремячимъ и Рыжнымъ—„чищобою“; восточная часть его между оврагомъ Долгимъ и дорогой къ весеннему перевозу—„городкомъ“ и „заказникомъ“; горная площадь между „городкомъ“ и „чищобой“, разсѣченная Войкинымъ оврагомъ,—„Кашановымъ полемъ“ и, наконецъ, крутая береговая гора у весенняго перевоза—„Кашановой шишкой“.

3) На всемъ протяженіи береговой возвышенности, изрѣзанной глубокими оврагами и называемой общимъ именемъ Кашана, находятся ясныя слѣды только одного болгарскаго города. Этотъ городъ располагался въ самой западной части нагорья, т. е. на теперешней „чищобѣ“. Въ другихъ мѣстахъ Кашана почва не содержитъ черепковъ болгарскаго типа, слѣдовательно постоянного жительства тамъ не было. Если болгарскія вещи и выпахивались иногда внѣ чищобы, то въ ограниченномъ количествѣ и отдѣльными экземплярами. Такъ,

на Кашанскомъ полѣ, близъ заказника, выпаханъ былъ упомянутый выше мечъ съ золотой насѣчкой и арабской надписью и два меча найдены были па томъ же полѣ, у вершины Войкина оврага. Бывали ли здѣсь какія-нибудь другія находки, свидѣтельствующія о болгарской культурѣ,—никто не помнитъ. На береговыхъ кручахъ Кашана я открылъ, какъ указано было выше, слѣды еще нѣсколькихъ древнихъ поселковъ, по онымъ не имѣютъ ничего общаго съ болгарской культурой и указываютъ только на то, что земледѣльцу болгарину предшествовалъ въ этой мѣстности болѣе первобытный насельникъ—звѣроловъ, бытовые памятники котораго рѣзко отличаются отъ болгарскихъ.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и можно съ достаточной вѣроятностью прійти къ заключенію, что болгарскій г. Кашанъ, упоминаемый болгарскимъ лѣтописцемъ на Камѣ, находился дѣйствительно на шуранскомъ горномъ побережьѣ и занималъ ту часть его, гдѣ возвышается огражденная валами и богатая находками болгарскихъ намятниковъ шуранская чишоба.

Историческія свѣдѣнія о г. Кашанѣ. Сколько-нибудь точныхъ данныхъ о возникновеніи и существованіи этого города почти совсѣмъ нѣтъ.

Приведу то, что мнѣ удалось узнать отъ мѣстныхъ татаръ и что заключается въ татарскихъ рукописяхъ.

Старикъ Бекбулатъ сообщилъ мнѣ, что его дѣдъ, скончавшійся болѣе 30 лѣтъ тому назадъ девяностолѣтнимъ старцемъ и, слѣдовательно, бывшій въ концѣ прошлаго вѣка уже взрослымъ человекомъ, говоря о г. Кашанѣ, всегда выражался такъ: „Кашанъ каласы—кызларъ баясы“, т. е. Кашанъ городъ—незаконнорожденное дитя дѣвушки.

Для разъясненія этого страннаго изреченія можно сказать только то, что оно навѣяно, но всей вѣроятности, смутными татарскими преданіями о какой-то легендарной царевнѣ Шагиръ-бапу, которая воевала съ своимъ отцомъ и настроила при этомъ много укрѣпленій, или городковъ. Исходя изъ это-

го преданія, казанскіе татары ко многимъ урочищамъ съ слѣдами болгарской древности приурочиваютъ прозвища „кызларь-кала“, т. е. „дѣвичій городъ“. Возмущеніе Шагирь-бану противъ отца представляется имъ дѣломъ предосудительнымъ, незаконнымъ, а отсюда и могло произойти укоризненное, насмѣшливое прозвище для городковъ, устройство которыхъ ей приписывается.

Изъ событій, касающихся г. Кашана, татарскія сказанія упоминаютъ только три.

Булгарскій историкъ XVI вѣка Шерефъ-эд-динъ въ своемъ „Изложеніи булгарскихъ повѣствованій“, рассказывая о разгромѣ Тимуромъ булгарскихъ городовъ, указываетъ въ числѣ ихъ и К а ш а н ъ п а К а м ѣ: „раззоривъ и его—говорить онъ—Тимуръ разсѣялъ все населеніе“.

Татарская рукопись „Таварихъ удъ Давайръ“ сообщаетъ, что послѣ взятія Тимуромъ г. Булгара одинъ изъ спасенныхъ царевичей Алимъ-бекъ пришелъ въ булгарскій городъ К а ш а н ъ.

Въ „Повѣсти о несгораемой царевнѣ“ упоминается, что другой сынъ Абдуллаха, Шеуне-бекъ, вмѣстѣ съ своей сестрою, по смерти Тимура, воротился изъ плѣна на родину и скрывался нѣкоторое время въ городѣ К а ш а н ѣ подъ именемъ учителя.

Изъ всѣхъ этихъ трехъ показаній нельзя, понятно, вывести какого либо точнаго заключенія о времени существованія г. Кашана, такъ какъ самое нашествіе Тимура на Булгарію является фактомъ недоказаннымъ и неизвѣстнымъ по другимъ источникамъ, кромѣ смутныхъ татарскихъ легендъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается показаніе тѣхъ золото-ордынскихъ монетъ, которыя мнѣ удалось приобрѣсти на мѣстѣ г. Кашана. Двѣ изъ нихъ сохранились вполнѣ хорошо и по опредѣленію І. Ф. Готвальда относятся къ 1363 г.

Такимъ образомъ выясняется совершенно опредѣленный и точный фактъ, что г. Кашанъ существовалъ на Камѣ еще въ 1363 году.

Но есть основаніе думать, что онъ существовалъ еще и въ 1391 и въ 1399 году.

Въ Воскресенской лѣтописи, въ описаніи похода ушкуйниковъ въ 1391 году, говорится: „Новгородцы и Устюжане и прочіи къ тому съвѣкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на нпзъ и взяша Жукотинъ и Казанъ и вышедше на Волгу, пограбивше гостей всѣхъ, возвратишася“.

Уже г. Шпилевскій обратилъ вниманіе на это мѣсто лѣтописи и обстоятельно доказывалъ, что здѣсь должна быть описка. Ушкуйники на пути отъ устья Вятки до Волги не могли встрѣтить на Камѣ Казани, такъ какъ Казань, и Старая и Новая, находилась въ долинѣ р. Казанки; ниже г. Джуке-тау (Жукотина) на Камѣ, они могли встрѣтить только Кашанъ, который въ лѣтописи и замѣненъ ошибочно Казанью. Возможность описки подтверждается тѣмъ, что въ Парижскомъ и Синодальномъ спискахъ лѣтописи значитъ въ данномъ случаѣ даже не Казань, а Казнь.

Тоже самое можно сказать и о томъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи, гдѣ разсказывается о походѣ Юрія Дмитріевича на болгарскую землю въ 1399 году: „Онъ-же шедъ, взя городъ Болгары Великія, и градъ Жукотинъ, и градъ Казанъ, и градъ Керменчукъ, и всю землю ихъ повоева“.

Здѣсь Казань упоминается въ связи съ прикамскими городами—Джуке-тау (Жукотиномъ) и Керменчукомъ. Мѣстоположеніе перваго опредѣлено точно: онъ находился въ окрестностяхъ нынѣшняго Чистополя; второй располагался или въ долинѣ р. Керменки (на правомъ берегу Камы, нѣсколько выше Чистополя) или въ низовьяхъ Мещи (близъ устья Камы, на правомъ же берегу, гдѣ находится городище Ташь-Кермень). Упомянутое Казани въ связи съ прикамскими городами позволяетъ думать, что и здѣсь ошибочно замѣнено общеизвѣстнымъ именемъ Казани почти неизвѣстное имя прикамскаго города Кашана.

Такимъ образомъ, не безъ вѣроятія можно допустить, что выясненный періодъ существованія на Камѣ г. Кашана ограничивается 1363 и 1399 годами и захватываетъ такимъ образомъ почти всю 2 половину XIV вѣка.

Въ заключеніе обзора этихъ скудныхъ историческихъ данныхъ о Кашанѣ, считаю умѣстнымъ сообщить преданіе, распространенное между шуранскими крестьянами. Въ немъ какъ-бы сохранилось отъ стародавнихъ временъ воспоминаніе о набѣгахъ ушкуйниковъ на прикамскіе города Булгаріи.

„На чищобѣ жили невѣрные — рассказывалъ мнѣ старикъ-шуранецъ Лялевъ — хитеръ былъ этотъ народъ, а русскіе и его перехитрили. Случилось это такъ: царь Иванъ Васильевичъ послалъ на нерусь войско; шло оно по Камѣ сверху на лодкахъ; подѣхавъ къ Войкину оврагу, вышли наши на берегъ, повставили на лодки чурбаны, одѣли ихъ въ свои кафтаны и шапки и пустили лодки впизъ по рѣкѣ, а сами тихо-молкомъ стали пробираться по оврагу къ чищобѣ. Увидалъ турскій народъ, что плыветъ на нихъ войско и вышелъ весь отъ мала до велика на „носокъ“ къ берегу. А наши и нагрянули сзади, и давай его „чесать“. Такъ тутъ всѣхъ на „носокѣ“ и положили“...

Вопросъ о значеніи названія г. Кашана. Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса, что значило слово Кашанъ, нужно установить его правильное правописание.

Г. Шпилевскій въ своей книгѣ „Древніе города и друг. булгаро-татар. памятники Казан. г.“, вездѣ—и въ собственномъ текстѣ и въ цитатахъ изъ татарскихъ лѣтописей и русскихъ изслѣдователей, называетъ городъ—Кошаномъ, подкрѣпляя это произношеніе и начертаніе съ гласною О въ первомъ слогѣ ссылкой на Вельямипова Зернова, который будто-бы „указываетъ на происхожденіе слова Кошанъ, по поводу встрѣчающагося въ одномъ старинномъ актѣ слова „Кошени“, т. е. соборной молельни, или мечети.

Усвоивъ себѣ подобное произношеніе и начертаніе, я тщательно искалъ на городищахъ шуранскаго района слѣдовъ этой мечети. Но эти поиски не привели къ желаемой цѣли. Кромѣ того, ведя съ окрестными жителями постоянныя бесѣды о мѣстныхъ древнихъ памятникахъ и урочищахъ, я невольно долженъ былъ обратить вниманіе, что здѣсь положительно всѣ—и русскіе и татары—говорятъ не Кошанъ, а Кашанъ, Кашанова шишка, Кашаново поле, Кашанскій затонъ, Кашанъ-кала .., замѣняя такимъ образомъ звукъ *О* звукомъ *А*.

Подобное разногласіе весьма естественно побудило меня заяться вопросомъ объ истинномъ названіи города и, между прочимъ, познакомиться съ тѣми авторами, у которыхъ г. Шпилевскій извлекъ свѣдѣнія о Кашанѣ. При этомъ обнаружилось, что они пишутъ неодинаково: Вагабовъ и Мельниковъ—Кашанъ, а Кафтапниковъ—Кошанъ и даже *К о ж а н ъ*. Очевидно, г. Шпилевскій, встрѣтивъ у Вельяминава Зернова слово *К о ш е н и*, предпочелъ правописаніе Кафтапникова.

Между тѣмъ орфографія Кафтапникова, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается совершенно произвольной и сшитый имъ *К о ж а н ъ* расползается при первомъ прикосновеніи. Очевидно, Кафтапниковъ, записывая татарскія названія, не достаточно внимательно вслушивался въ мѣстный говоръ. Этимъ только и можно объяснить себѣ тотъ процессъ, при помощи котораго названіе деревни Юлги онъ передѣлалъ въ Елги, а изъ Кашана выкроилъ Кожанъ, создавъ такимъ образомъ слово, даже совершенно невозможное въ татарскомъ языкѣ¹⁶).

Что касается цитаты изъ „Исторіи касимовскихъ царей“ Вельяминава Зернова, въ которой г. Шпилевскій видитъ теоретическую основу для принятаго имъ правописанія, то не-

¹⁶) Въ татарскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ и буквы, соотвѣтствующей нашему ж; тамъ есть *ج* (дж) и, кромѣ того, звукъ, соотвѣтствующій французскому *j*, такъ что можно-бы было сказать *К о д ж а н ъ* или *К о ј а н ъ*, но ни въ какомъ случаѣ—*Кожанъ*.

обходимо имѣть въ виду, что эта цитата не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ разсматриваемому вопросу: Вельяминовъ Зерновъ говоритъ не о словѣ Кашанъ, а о словѣ кошени. Въ томъ актѣ, который цитируется авторомъ „Касимовскихъ Царей“ трактуется о томъ, что должепъ былъ сказать русскій посоль Новосильцевъ султанскимъ вельможамъ: „Мой государь не есть врагъ мусульманской вѣры... Мусульманской вѣры люди по своему обычаю мизгити и кошени держать, и государь ихъ ничѣмъ отъ ихъ вѣры не нудить“. А далѣе Вельяминовъ Зерновъ объясняетъ, что отъ турецко-татарскаго глагола *قوشى* (кошмакъ, или - по казанскому говору—кушмакъ), означающаго по-русски соединять, причастіе будетъ *قوشقان* (кошканъ или—по казански—кушканъ), и что изъ этого слова, при выпаденіи буквы *к* (к) могло образоваться слово кошапъ или по казански кушапъ (*قوشاپ*), передѣланное русскими на кошень, которое по смыслу разсматриваемаго акта и можно принимать въ значеніи сборнаго мѣста, т. е. соборной молельни, или мечети.

Вмѣсто ссылки на Вельяминова Зернова, совсѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, не идущей къ дѣлу, г. Шпилевскій съ гораздо большимъ успѣхомъ могъ-бы подкрѣпить свою ореографію, обратившись къ „Сравнительному словарю турецко-татарскихъ нарѣчій“ Будагова, гдѣ указывается джагатайское (старо-татарское) слово *قوش* (кошъ)—шалашъ, лачуга. Изъ слова-же кошъ, черезъ прибавку частицы *АН*, дающей въ татарскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятіе о совмѣщеніи однородныхъ предметовъ, можно бы было произвести желанное слово Кошапъ, въ смыслѣ собранія лачугъ, или шалашей въ одномъ пунктѣ.

Но не признавая правильнымъ начертаніе г. Шпилевскаго, я нахожу въ томъ-же словарѣ старо-татарское, или джагатайское слово *قاش* (кашъ)—пригорокъ, холмъ, грива горы, возвышенность. Изъ этого-же слова, черезъ прибавку *ان* (ан),

получится: *فاشان* (к а ш а н ъ)—бугристое, или гористое мѣсто.

Въ доказательство правильности подобнаго произношенія и начертанія имени г. Кашана, я могу опереться: во 1-хъ, на мѣстный русскій и особенно авторитетный татарскій говоръ; во 2-хъ, на гористый характеръ шуранскаго побережья, гдѣ находился г. Кашанъ; въ 3-хъ, на переводъ изъ „Таварихъ Булгаріе“, сдѣланный Вагабовымъ, который, какъ спеціалистъ по татарскому языку, едва-ли могъ ошибиться въ чтеніи имени г. Кашана у болгарскаго историка XVI вѣка и въ 4-хъ, наконецъ, на неизвѣстную татарскую рукопись, сочиненія Вали Мухамета святого, которою я имѣлъ случай пользоваться, благодаря содѣйствію юлгинскаго муллы, и въ которой во всѣхъ случаяхъ пишется не *قوشان* (к о ш а н ъ), а *فاشان* (к а ш а н ъ).

Итакъ, есть основаніе утверждать, что во второй половинѣ XIV столѣтія, на правомъ берегу р. Камы, на одну версту выше пыпѣшняго с. Шурана, Лаишев. у. Каз. г., находился одинъ изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ послѣ Булгара и Бюляра городовъ Камско - Волжской Булгаріи — г о р о д ъ К а ш а н ъ, получившій свое названіе отъ характера занимаемой имъ мѣстности.

При обслѣдованіи окрестностей Кашана, я не встрѣтилъ нигдѣ слѣдовъ кладбища. Но въ 1886 году, проѣзжая черезъ д. Дмитриевку, я видѣлъ саженъ за 100 отъ нея, по направленію къ д. Сорочьи Горы, въ хлѣбномъ полѣ, двѣ каменные надгробныя плиты болгарскаго типа. Камни лежали такъ, что надписей было не видно. Торопясь на пароходъ, я не могъ на этотъ разъ заняться изслѣдованіемъ. Такъ вопросъ объ этихъ надгробіяхъ и объ отношеніи ихъ къ Кашану и остался пока открытымъ.

И. Пономаревъ.

